

206

Труда - 1990 -

14 янв.

«Свобода выбора, совести, свобода мнений. Свобода творчества... Это как воздух, без которого человеку нельзя» — так сказал Никита Михалков, когда мы встретились первый раз. Мы снова встретились в Риме, несколько часов беседовали, позже я показал Никите Сергеевичу свои записи, предложил сделать на их основе интервью. Он согласился.

— Мне кажется, — продолжил режиссер, — что простой клич «Дайте нам свободу» — и вы увидите, что такое настоящее искусство» себя не оправдал. Да и потом, что такое «свобода»? Как ею распоряжаться? Легко ли быть свободным? Не думаю, что мы уже нашли ответы на эти вопросы. Более того, не уверен, что сейчас найдется много людей, вообще задающихся подобными вопросами. Еще недавно мы жаловались: «Зажимают, не дают работать, заставляют говорить на темы, на которые говорить не хочется». Таким образом можно было объяснить неталантливость своих произведений. Однако с расширением свободы ожидаемого результата не последовало. Да, мы получили возможность открыто обсуждать то, о чем раньше говорили шепотком, но оказалось, что этого мало. Как выяснилось, кроме свободы, о которой все так мечтали, нужны еще масштаб мышления, культура, мастерство и внутренняя независимость, которая воспитывается поколениями. И, что мне кажется едва ли не самым главным, — позитивность.

— Неужели мы не рассмотрели еще на «положительных» героев?

— Я имею в виду не примитивное понятие «положительного», а... позитивность мышления. Для русского искусства такая позитивность определялась понятиями «краеугольными»: Вера, Надежда, Любовь. Эти «три кита» были, кажется, движущей силой всех великих русских мыслителей, писателей — Пушкина, Толстого, Соловьева, Чехова, Достоевского, Тургенева. Не нужно много таланта, ума, наблюдательности, чтобы увидеть, как все плохо в нашей жизни. Достаточно взять кинокамеру, пройтись по улицам, зайти в магазин, на вокзал, сесть в поезд, воспользоваться услугами Аэрофлота, наведаться в любое учреждение, заглянуть в дом престарелых... Основа же любого искусства — это философское осмысление: времени ли, события, конкретной ситуации или характера. Не констатация, а именно художественно-образное философское осмысление. Сама по себе свобода не только не гарантирует нам этого осмысления, но порою даже становится некоей ловушкой для зыбкого ума и дурного вкуса, или, по выражению Грибоедова, «колебания умов, ни в чем не твердых». Сказывают, долгое отсутствие всякой информации о том, что происходит в мире (и в культурном мире планеты — в том числе).

— Но, Никита Сергеевич, при всех издержках я все же за дальнейший приток свободы в наше общество. Становясь свободным, человек постигает демократию, учится терпимости...

— Многие считают, что свобода, демократия — понятия тождественные. Но это вовсе не так. Свобода — понятие, по моему, прежде всего нравственное... То, что многие понимают у нас под словом «свобода», есть не что иное, как элементарное уважение к человеческой личности. Считать западный мир безоговорочно свободным может только тот, кто не испытал на себе этого уважения. Если тебя не могут без причины взять и посадить в тюрьму, или если ты можешь поселиться в любой обыкновенной гостинице любого города в своей стране, или если сидишь в ресторане и не боишься, что тебя обхамят, — это еще не свобода. Это просто признаки элементарного правового общества, где уважают человеческую личность. В нашем же понимании свобода часто как бы отождествляется с вседозволенностью. Ну а, умноженная на безверие, нищету и страх, вседозволенность эта трансформируется во всеобщее бедствие, остановить которое ничем, кроме силы, нельзя. Вот почему в России часто за каждой жотте-

Никита МИХАЛКОВ:

пелью» начиналась новая жестокая реакция...

— А что такое, по-вашему, демократия, равноправие?

— Не знаю. То есть я не знаю, что это такое применительно к России. Ибо то, что называется демократией на Западе, для России органичным, на мой взгляд, быть не может, и не потому, что мы хуже кого-то другого или лучше, — мы просто другие. И это нужно понимать как данность.

— А я думаю, что демократия универсальна... как воздух.

— Пока, к сожалению, у нас нередко демократия и равноправие понимаются как появляющаяся возможность нахамить начальнику — и то только потому, что он начальник... (что, кстати, тоже можно понять, ибо начальник этот раньше хамил нам только потому, что мы — его подчиненные). Уважение же к личности — это результат длительной работы общества над своим самосознанием. Равноправия можно достичь эволюционным путем, революционным же путем достигается равенство. И при всей близости этих понятий они различны. В России, которую многие почему-то считают темной и варварской страной, человека, задумавшего «до основания» разрушить существующий строй, всего-навсего отправляли в ссылку — с женой и книгами. Впоследствии этот опыт паризма будет учтен, но как допущен! Державна на долгие годы опутается колючей проволокой, за которой сгинут миллионы только за нарек на иную мысль, а то и просто ни за что, и среди них многие из тех, кто сам же выбрал для страны новый путь...

— Вот и в искусстве сейчас примерно такая же «демократия», о которой вы говорите. Художники, писатели жестоко оскорбляют друг друга.

— Знаете, творческому процессу, в моем представлении, сопутствует одиночество. Рано или поздно люди, объединяющиеся в художественные группы, расходятся. Можно соблюдать хорошую мину, быть вежливым, спорить, но искреннее проникновение в жизнь, в чувство, в творчество друг друга может быть между очень малым количеством людей. Шалапин любил Рахманинова, Рахманинов любил Шалапина... Антон Павлович Чехов преклонялся перед Толстым, а тот уважал Чехова. Однако представить себе Шалапина в Союзе театральные деятелей в качестве заседающего я не могу. Точно так же не могу себе представить Пушкина или Толстого в Литфонде, а Рахманинова — председателем профкома Союза композиторов. Не потому, что я не уважаю членов всяких комиссий и комитетов. Просто мне кажется, что любое творчество в конечном счете — одинокий поиск пути, поиск языка, поиск родной души. Но, найдя все это, художник не может остановиться, успокоиться. Его начинают мучить новые идеи, новые поиски, и, стало быть, ему необходимо новое одиночество. Художественное творчество требует индивидуального, неповторимого общения с миром.

Не имели бы мы той самой, до-

боя знакомой пушкинской поэзии, если бы не было в его жизни михайловских просторов за окном. И Аксакова бы не имели, и Гончарова, и Чехова, если бы они черпали вдохновение в домах творчества Литфонда и смотрели бы вечером одни и те же телевизионные передачи...

ДАТЬ СОГРАЖДАНАМ НАДЕЖДУ

— Что, по-вашему, Никита Сергеевич, все-таки самое главное в творчестве?

— Едва ли можно вот так взять и сразу, в одной фразе, ответить на ваш вопрос. Я могу сказать, что мне кажется очень важным сегодня: это авторская любовь. Мне, например, не интересно снимать кино и рассказывать о людях, которых я не люблю. Это не значит, что все они хорошие люди, что они герои. В фильме «Родня», который многие критики почему-то считают злым, мое отношение к персонажам действительно достаточно иронично, но там нет ни одного человека, которого я не люблю: будь то Стасик в исполнении изумительного актера Юры Богатырева или персонажи Нонны Мордюковой, Вани Борщикова, Светланы Крючковой... Моя задача — попытаться высказаться через утверждение, а не через отрицание. Но из того, что я утверждаю, должно быть понятно, что же я отрицаю. А не наоборот. Именно этот принцип я имел в виду, когда говорил о позитивности в искусстве... Мне кажется, порой мы злоупотребляем великим качеством нашего народа — умением смеяться над собой. Но в том, как смеется над собой народ, всегда есть надежда на спасение, на выход. На выход из критического положения, потому что смех без надежды губителен. Такой смех умирщвляет, а не создает. А народ смеется, чтобы выжить. Я, например, совершенно убежден, что Россия своим существованием, тем, что вынесла такие гигантские испытания и выжила, должна быть обязана веселому нраву своего народа, всегда умевшего шуткой, улыбкой растворить беду или по крайней мере не впасть в отчаяние, которое в христианстве, между прочим, считается тяжким грехом.

— Уже если затронули тему христианства, то ответьте на такой вопрос: вы были одним из доверенных лиц нынешнего народного депутата СССР митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Почему выбрали именно его?

— Во-первых, это не я его выбрал, а он мне оказал большую честь, предложив быть одним из доверенных лиц в предвыборной кампании. Что же касается самого факта выдвижения митрополита Питирима, то... видите ли, с трибуны Советского фонда культуры я сказал, что единственной организацией, которая за все годы Советской власти не металась из стороны в сторону — от правды к неправде, была Русская православная церковь, исторически продолжавшая строительство своего духовного храма. У Питирима в роду более трехсот лет непрерывного служения этому храму, я искренне хотел его видеть среди людей, которые в парламенте будут решать мою судьбу как гражданина и русского человека. Корни этого моего соображения лежат глубоко.

— Что вы имеете в виду?

— Я считаю, что самое большое зло и самая тяжело восполнимая утрата, совершенные по отношению к нашему народу, —

это физическое и идеологическое разрушение Русской православной церкви. Сегодня мы много говорим о демократии, а ведь этим вопросом всегда занималась и религия. Но только демократия она понимала не как всеобщее равенство друг перед другом, ибо такого равенства никогда не было, да и

чему же сейчас перестройка идет с таким трудом, почему сегодня так необходимо нам кооперативное движение порою превращается во что-то уродливое, да и просто уголовное явление? Причины на то много, но одна из них — почти полная утрата нами чувства хозяина; радости от чего-то хорошо сделанного, гордости за это. Ведь в конце-то концов, чем умная, честно проведенная сделка купца хуже хорошо сделанной лопаты, хорошо построенного дома, талантливо написанной симфонии? Почему раньше на Руси уважали богатых людей, а теперь в них видят только потенциальных жуликов и вранчей, место которым в тюрьме? Да потому, что большинством наших социальных институтов в нас воспитывалось сознание: лучше всем жить одинаково плохо, чем по-разному хорошо. Этот принцип удивительно удобен для любого тоталитаризма, распределяющего блага не по возможностям человека или его таланта, не по результату сделанного им, а по степени верности самому тоталитаризму. Не скажу — все, но многие сегодняшние сделки с зарубежными партнерами уже почти подсознательно начинаются с попытки обмануть этих партнеров. Нет, не совершить выгодную операцию, а именно обмануть, что не одно и то же. Самое главное — ухватить побольше и сразу, именно сразу, а потом...

— Уверен, Никита Сергеевич, многие из внешнеэкономических работников не согласятся с вашей оценкой их деятельности.

— Говорю так, потому что не раз был свидетелем подобных «коммерческих взаимоотношений». Например, такой диалог в просторном кабинете: «Ну, сколько с него попросим? Может, миллион?» — «Да мало». — «А сколько?» — «Давай два. Видел, какие у него часы? Что ему два миллиона?» Это один из примеров, как проявляется психология того, кто тратит не свои деньги, а казенные. У кого в своих карманах «рупы да полущка», тому очень легко считать в чужих... А культура демократии — это уважение к личности, цивилизованное отношение к собственности, уважение к закону, что возможно только при наличии такого закона, который нельзя сегодня трактовать так, а завтра совершенно иначе, в зависимости от перемены в высших эшелонах власти. И как всё в мире, эти понятия связаны обратной связью: там, где нет уважения, не может быть закона, вне закона нет уважения. Только страх может заменить и то и другое. Уж это-то мы знаем...

— Вы просили назвать наше интервью «Дать согражданам надежду». Какой смысл вкладываете в понятие «надежда»?

— Никто не может запретить человеку мечтать, но, кроме абстрактной мечты, у него должна быть реальная надежда свою мечту осуществить. Мечта человека по разным причинам может не сбыться, но возможности для реализации ее должны быть. Дать человеку надежду реализоваться — это тоже демократия. Я имею в виду реальную надежду, а не бодрое слово о всеобщем равенстве. Много званных, но мало избранных — сказано в Евангелии, и большая ошибка — понимать эти слова как утверждение чьей бы то ни было элитарности. Просто одни уже осуществились, а другие еще нет. Но возможности для самореализации должны быть у каждого: хочешь быть — будь! Делай, учись, совершенствуйся — это и есть истинная демократия.

— А на что надеется вы, что любите, во что верите?

— А нужно ли это конкретизировать? Вера, Надежда, Любовь — все с заглавной буквы. Важно, чтобы они были, а уж к чему применить эти великие понятия, человек всегда найдет. Только бы не мешали!

Интервью взял П. НЕГОИЦА.
(Соб. корр. «Труда»).

РИМ.